

ДАЙДЖЕСТ

LE FIGARO

Марчо Пьюзо – писатель, воспитывающий мафию

УЗВЕЩЕНА - 1986 - 5 Дек - с 8

Немногим более четверти века после выхода в свет знаменитого романа «Крестный отец» Марчо Пьюзо опубликовал продолжение этой саги – «Последний крестный отец». В интервью газете «Фигаро» 75-летний писатель рассказывает о том, почему посвятил свое перо кровавому миру гангстеров.

— Мафия была и остается делом всей вашей жизни?

— Меня увлекает прежде всего сицилийская мафия, та, которая правила по старинке в 30-е годы. Во главе ее стояли доны, из которых едва ли не самым ужасным был Жозеф Профаччи. Каждую неделю он приказывал убивать десятки людей. Но в его доме была маленькая часовня с исповедником. Настоящая мафия придавала исключительное значение семье. Я вырос в итальянском квартале Нью-Йорка. Когда возникла какая-то проблема, надо было найти работу или деньги, чтобы заплатить за квартиру, мы ходили к своему дядюшке. И он эту проблему всегда разрешал. Словом, семья была важнее всего. И мафия взяла на вооружение эту модель. В прошлые времена в отличие от нынешних она не занималась всем, чем попало. В ту эпоху мафиози никогда бы не стали заниматься торговлей нар-

котиками, порнографией или проституцией. Однако все меняется.

— Значит, вас можно называть Доном Пьюзо?

— Я никогда не принадлежал к мафии. Будь я гангстером, я бы, к примеру, давно ликвидировал режиссера фильма «Сицилиец», который полностью извратил одну из моих любимых книжек. А он по-прежнему жив. Нет, я обычный литератор. Однажды на коктейле в Голливуде от меня не отставали два типа, которые непременно хотели, чтобы я признался в своих связях с преступным миром. Позднее я узнал, что это были патентованные киллеры.

— Если вы не связаны с мафией, где же вы тогда черпаете материалы для ваших произведений?

— Я прочитал множество книг, посвященных сицилийской мафии. Затем изучил доклады сенатской комиссии по организованной преступности. Главное же для романа — это работа воображения.

— Соответствуют ли действительности сцены насилия в ваших романах?

— Мафия постоянно прибегает к насилию. Это для нее метод управления. Когда с тем или иным человеком возникают трудности, его предпочитают убить. Мафия не

верит ни в переговоры, ни в силу убеждения. Для нее существует только одно наказание или, скорее, решение проблемы — смерть.

— В вашей последней книге чувствуется глубокое отвращение, которое вы испытываете к Голливуду. С чем это связано?

— Я описываю Голливуд таким, каков он есть, — полным соблазнов и аморальным. Его главные действующие лица — милейшие люди, но они так же опасны и жестоки, как мафиози, которых они к тому же не боятся. Деятели Голливуда меня постоянно обманывали. Мне так и не заплатили за сценарии фильмов «Супермен» и «Землетрясение». Я подавал в суд, но безуспешно. То же самое произошло с картиной «Крестный отец-2». В принципе я должен был получить 10 процентов от ее сборов. Но мне ничего не заплатили, утверждая, что доходов не было никаких. Бандиты!

— В «Последнем крестном отце» рука об руку действуют мафиози, бизнесмены и продюсеры. Это ваше видение Америки?

— Знаете, большие писатели — люди в основе своей беспринципные. Они не только не защищают общественные ценности, но, напротив, выступают

против них. Их задача не заключается в поддержании существующего порядка. В моих книгах я хотел провести параллель между преступниками и деловым миром, который, несомненно, не менее аморален, чем мафия.

— Вы также создали миф о мафиози-аристократах. Они вам за это признательны?

— Должны бы. Я превратил бандитов в героев. Реальная мафия не очень умна, я сделал ее утонченной и придумал аристократическую мафию. Для нее «Крестный отец» — это настоящая сказка. После моей книги некоторые гангстеры стали себя вести, одеваться и разговаривать подобно ее героям. Я уверен, что некоторые из них имитируют хриловатый голос Марлона Брандо. В общем, я создал моду.

— Вам понравились экранизации «Крестных отцов»?

— Самая первая из них, безусловно, — один из 20 величайших фильмов в истории кинематографа. В этом почти исключительная заслуга Фрэнсиса Копполы. Не надо забывать и о музыке — без нее даже первый «Крестный отец» не был бы столь великолепен. Вторая картина тоже хорошая, но третья получилась хуже. По крайней мере в том, что каса-

ется сценария. Это уже моя вина.

— Вы продали 20 миллионов экземпляров «Крестного отца». Как создают бестселлер?

— Сочиняя свои первые книги, я слишком большое значение уделял слову. И мои романы плохо продавались. Мне было 35 лет, и я в то время толком не знал, как пользоваться пером. Я был чиновником, бюрократом и бедным человеком. Именно для того, чтобы вырваться из бедности, я и решил написать бестселлер. Набор писательских средств ограничен: интрига, действующие лица и качество письма. Чтобы сделать бестселлер, по крайней мере в Соединенных Штатах, надо все вложить в интригу. Так я и поступил с «Крестным отцом», прочитав предварительно огромное количество бестселлеров.

— Есть ли у вас другие секреты?

— Не надо торопиться. Работая над «Крестным отцом», я посвятил полтора года сбору материалов и еще два года — его написанию. При этом я одновременно сочинял детские книжки, а также работал внештатным корреспондентом для одного журнала. Мне надо было зарабатывать деньги, чтобы кормить собственных детей.

Кроме того, чтобы роман стал

бестселлером, ему должно повезти. Книге надо выйти в нужный момент. Это и случилось с «Крестным отцом» в феврале 1969 года. В это время произошла серия особо кровавых убийств, совершенных мафией. Гангстеры повсюду убивали друг друга, и это оказалось потрясающей бесплатной рекламой для книги. Я был ужасно тронут — эти бандиты уничтожали друг друга словно для того, чтобы я получил больше денег от продажи романа. Выйди «Крестный отец» сегодня, он бы уже так здорово не разошелся.

— Ваши мафиози верят в Бога. А вы?

— Нет. После смерти ничего не существует. Абсолютно ничего.

— Чему посвящена ваша следующая книга?

— Семейству Борджиа. Это были первые мафиози.

— Ваш любимый писатель?

— Достоевский.

— Почему именно он?

— Когда я был ребенком, меня увлекло все геройское. Достоевский же объяснил мне простую вещь: героев не существует.

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Известия».

ПАРИЖ.